

★ Виталий КУЛАК ★

ГОРЯЧЕЕ ДЫХАНИЕ ВОЙНЫ

Виталий Васильевич Кулак
Горячее дыхание войны
Серия «Война. Штрафбат.
Они сражались за Родину»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51934699

*Горячее дыхание войны:
ISBN 978-5-00155-149-2*

Аннотация

Пылающее лето 1941 года незаметно перешло в не менее горячую осень. Танковые клинья Вермахта рвутся к Москве. Для захвата стратегических мостов в тылу Красной Армии высаживаются диверсанты из элитного полка «Бранденбург-800».

Оперативным группам НКВД под командованием лейтенанта Алексея Орлова и старшего лейтенанта Александра Никанорова приказано найти и уничтожить немецких диверсантов. Попутно они обезвреживают опасного «крота» – глубокого окопавшегося в штабе 50-й Армии агента Абвера.

Однако розыскные мероприятия, проводимые молодыми сотрудниками Госбезопасности, становятся бесполезными, когда стальной каток фашистских войск прорывает фронт и Орлов с Никаноровым с оружием в руках занимают наспех вырытые оборонительные позиции на безымянном рубеже.

Содержание

1	5
2	9
3	12
4	16
5	20
6	27
7	29
8	32
9	37
10	41
11	46
12	50
13	53
14	55
15	59
16	63
17	68
18	75
19	82
20	86
21	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Виталий Васильевич Кулак

Горячее дыхание войны

© Кулак В.В., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

1

Начальнику Особого отдела Центрального фронта 12-го августа 1941 года в районе села Можное в тылу 13-й армии патруль в составе старшины Епифанова И. А. и красноармейцев Кузнецова Е. Г. и Балашиова А. В. задержал майора Красной Армии и двух следовавших с ним красноармейцев, документы которых показались подозрительными. Майору и его двум спутникам было предложено пройти в комендатуру, и они согласились. Однако на половине пути в комендатуру они открыли по патрулю огонь из пистолетов. Ответным огнём двое нападавших были убиты, а майору удалось скрыться в лесу.

Красноармейцы Кузнецов и Балашиов от полученных ран скончались на месте. Старшина Епифанов с ранением средней тяжести доставлен в военный госпиталь.

На месте происшествия найдены фиктивные документы бойцов 175-й стрелковой дивизии, три вещевых мешка, принадлежавших двум убитым немецким агентам и скрывшемуся «майору Красной Армии». В вещемешках обнаружена портативная немецкая рация «Телефункен», большой запас питания к ней, а также 15 000 рублей и большое количество продовольствия, включая сало, мясные консервы, заварку для чая, сахар и хлеб.

Многу было организовано преследование, но оно не дало результата из-за густого леса, наличия многочисленных речек и заболоченных участков, а также наступления ночи.

Вещи, оставленные фашистским диверсантом, направлены в Особый отдел Центрального фронта. Командир истребительного батальона... капитан Митрохин С. В.

21 августа 1941 года

Брянщина

Поисковая группа старшего лейтенанта Александра Тихонова уже третий день обследовала – увы, безрезультатно – выделенный ей участок Брянского леса. Перед ней поставили задачу найти немецких диверсантов, заброшенных в тыл этого фронта. Вернее, они, по сведениям Особого отдела, появились в тылу Красной Армии как минимум за две недели до формирования самого Брянского фронта. Неделю назад, 14 августа, по приказу Ставки ВГК был образован Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А. И. Ерёменко, и теперь его Особому отделу приходилось разыскивать группу опасных немецких диверсантов, в которой осталось, как предполагалось, не менее пяти-шести человек.

О существовании этой группы фашистских диверсантов, получившей условное название «Десна», стало известно после того, как в начале августа в прифронтовой полосе Резервного фронта они на узкой лесной дороге совершили

дерзкое нападение на штабной автобус 24-й армии. Закончить успешно операцию гитлеровцам помешали красноармейцы 125-й механизированной дивизии, ехавшие в тыл на переформирование. Командир красноармейцев, старший лейтенант Иванов, организовал преследование диверсантов. В результате одного гитлеровца, одетого в красноармейскую форму, удалось взять в плен, правда, тяжелораненым. Остальные диверсанты сумели скрыться в лесу.

Взятый в плен диверсант оказался «бранденбуржцем» – солдатом полка «Бранденбург-800». Этот двадцатитрёхлетний молодой человек отлично говорил на русском языке. Он объяснил это тем, что его родители – русские, эмигрировавшие из России во время Гражданской войны. На допросе пленный показал, что отделение полка «Бранденбург» в количестве 11 человек в середине июля десантировали в брянских лесах с заданием совершать диверсионные акты против партийных работников, бойцов и командиров Красной Армии. Кроме того, диверсанты должны были собирать и передавать по радиации сведения о составе войск Красной Армии в районе Брянска, о размещении танков и аэродромов.

Выходило, что эта группа немецких агентов действовала в нашем тылу больше месяца. Она совершила более десятка террористических нападений на красноармейцев, потеряв за это время убитыми как минимум трёх человек.

И вот теперь этих диверсантов уже несколько дней ищет Особый отдел Брянского фронта и, в частности, поисковая

группа старшего лейтенанта Александра Тихонова.

2

– При розыске прошу всех быть предельно внимательными. Это очень опытные и опасные агенты, – говорил на совещании три дня назад старший майор государственной безопасности Бегма Павел Георгиевич, начальник Особого отдела НКВД Брянского фронта. – Они действуют дерзко. Не оставляют в живых ни одного свидетеля. На их счету много убитых наших солдат и командиров. Есть сведения, что диверсанты могут использовать не только форму красноармейцев и командиров Красной Армии, но и гражданскую одежду. Именно поэтому все наши оперативные работники должны быть готовыми к встрече с ними в любой момент.

Это был сорокалетний мужчина с большим лбом, упрямо сжатыми губами и внимательным, немного тяжёлым взглядом. В последние дни на него навалилось чрезвычайно много работы, ведь приходилось создавать буквально заново особые отделы армий, а личного состава катастрофически не хватало. От недосыпания и большого количества забот он выглядел осунувшимся и усталым. А тут ещё Москва требовала усилить работу с личным составом частей и соединений, так как у некоторых красноармейцев наблюдаются «упаднические настроения». Разве объяснишь Москве, что у многих красноармейцев родственники остались на оккупированной территории?..

Бегма понимал, что сейчас везде так, на всех фронтах. Германия собрала огромную силу. К тому же напала внезапно. У немцев превосходство в самолётах, танках, пушках. В людях, наконец. Красной Армии требовалось время, чтобы собрать свои силы. И он видел, что постепенно всё налаживается, что люди готовы сражаться. Но предстояло ещё сделать очень многое.

Пару дней назад из-за хронического недосыпания у него стало ухудшаться зрение. Время от времени он ловил себя на мысли, что хочет бросить всё и попроситься на фронт. Там хоть и опасней, но зато проще. Вот враг, его нужно убить. Иначе он убьёт тебя. А здесь же, в тылу, уже и не разберешься, кто свой, а кто просто прикидывается, выдает себя за своего.

Он вспомнил, как всего несколько дней назад его подчинённые разоблачили группу немецких агентов, действовавших прямо в Брянске. Они имели контакт на железнодорожной станции, который сообщал данные про движение воинских эшелонов. Оказалось, что предателем-железнодорожником был заместитель начальника ж/д вокзала, заслуженный коммунист, участник Гражданской войны. Правда, потом выяснилось, что никакой он не коммунист. В Гражданской войне он действительно воевал. Но только не у Будённого, а у Колчака. Вот тебе и «старый коммунист».

И такой случай не был единичным. Повывлезали на свет разные недобитые элементы. Хотят теперь мстить. Думают,

что пришло их время. Нет. Рано они начали радоваться. Ох, рано. Но это даже в чём-то хорошо, что враги стали проявлять себя. Теперь их легче узнать.

Помолчав немного, Бегма продолжил:

– Я понимаю, товарищи, что в отделах у вас большая нехватка личного состава. Мы сейчас активно ведём работу в этом направлении. Потерпите немного. Сейчас всем трудно. Из Москвы в наше распоряжение выделено несколько опытных сотрудников. Они прибудут в ближайшее время. Прошу особое внимание уделить поиску и обезвреживанию немецкой диверсионной группы «Десна». Вновь прибывших сотрудников следует задействовать в поимке этих диверсантов.

Совещание у начальника Особого отдела НКВД Брянского фронта затянулось почти до рассвета...

3

21 августа 1941 года

Брянщина

Девятнадцатого августа Особому отделу 50-й армии стало известно, что в деревне Васильевке Дятьковского района находится неизвестный раненый мужчина. В деревню он прибыл несколько дней назад, когда точно – пока не установлено, в гражданской одежде, попросился переночевать в доме Леонида Шорина, да так и остался там. Хозяину он сказал, что зовут его Андрей Борисов и что он беженец. Новоприбывший был ранен в ногу, ходил из-за этого с трудом.

Сотрудники Особого отдела 50-й армии – а их было раз-два и обчёлся, ведь этот орган ещё не был полностью сформирован, – решили проверить раненого беженца в Васильевке. Слишком подозрительным он был. Тем более что члены немецкой группы «Десна» использовали гражданскую одежду. В Васильевку направили поисковую группу Александра Тихонова, состоявшую из самого старшего лейтенанта, а также двух младших оперативных сотрудников. Тихонов взял с собой ещё трёх пограничников из взвода охраны ОО 50-й армии, посадил всех в полуполторку и выехал на задание. Таким образом, численность этой поисковой группы составила, если считать вместе со старшим лейтенантом,

шесть человек. Водитель Михайленко, мобилизованный в июле, был не в счёт.

Деревня Васильевка располагалась на западе Дятьковского района Брянской области. Чекистам пришлось туда добираться довольно долго. Тихонов сидел в кабине автомашины и устало смотрел вперёд, на дорогу.

«Зря едем, – думал он. – Не будет фашистский агент, пусть даже раненый, отсиживаться в прифронтовой деревне. Есть риск в любой момент повстречаться с красноармейцами. Он сразу привлечёт к себе внимание. Собственно, уже привлёк. Скорей всего, действительно беженец. Вон сколько их сейчас – тысячи. А может быть, окруженец или дезертир. Не верю, что немецкий диверсант. Зачем меня послали? Могли послать пограничников. Пусть они бы и проверили. Эх... Делом нужно заниматься, а не тратить зря время».

За два месяца войны Тихонов участвовал в поимке нескольких вражеских диверсантов и в ликвидации трёх воздушных десантов. Постепенно он становился опытным армейским чекистом и прекрасно это осознавал. Однако это не делало его заносчивым – он оставался всё таким же весёлым и дружелюбным, каким его знали десять лет назад на металлургическом заводе одного южного города. Там он три года работал после техникума.

Его мысли переключились на довоенную жизнь. Он устал думать про диверсантов, агентов, предателей, паникёров и трусов. В последнее время только про них и думаешь. Надо-

ело. А ведь когда-то было всё так хорошо. До войны. До того как попал на свою теперешнюю службу.

Он вспомнил, как после отработанной смены на металлургическом заводе спешил домой, где его ждал приготовленный матерью вкусно пахнувший обед, быстро ел, а потом спешил на стадион, чтоб немного поиграть с приятелями в футбол. Ну а вечером или в кино, или на танцы в парк.

Иногда на заводе приходилось оставаться после окончания рабочей смены, ведь он был комсомольцем, и, следовательно, нужно было участвовать в жизни заводской комсомольской организации. Но это не отменяло вечернее кино или танцы.

– Ты до войны часто ходил в кино? – вдруг спросил он у водителя, рядового Михайленко.

– Конечно, часто! – оживился водитель, обрадовавшийся представившейся возможности поговорить. – Только я всё больше на сказки ходил. Например, «Василиса Прекрасная».

– На сказки? – старший лейтенант с недоумением посмотрел на Михайленко. – Почему на сказки?

– Так у меня же двое детей. Они очень любят сказки смотреть. Вот и приходилось их водить на выходных. «Василису Прекрасную», наверное, раз пять смотрел! Наизусть знаю!

– Теперь понятно. А я удивился: взрослый мужчина и почему-то сказки.

– А вам, товарищ лейтенант, какие фильмы нравились?

Тихонов задумался, вспоминая фильмы, которые он ви-

дел. А было их немало.

– Мне многие нравились. Например, «Высокая награда». Там про то, как шпионы хотели выкрасть чертежи нашего нового самолёта. Интересно.

Водитель кивнул, соглашаясь со своим командиром.

– А ещё понравился «Девушка с характером» с Валентиной Серовой в главной роли, – продолжал Тихонов. – Ну и, конечно же, «Танкисты» и «Если завтра война». Тоже очень интересные картины.

Внезапно старший лейтенант замолчал. Назвав два последних фильма, он поневоле сравнил их сюжет с тем, что происходит сейчас. Да... В фильмах всё было не так, как оказалось на самом деле.

21 августа 1941 года

Тыл немецкой группы армии «Центр» Абверкоманда-1В

Обер-лейтенант Людвиг фон Хольшенбах, офицер 1-го отделения Абвера при группе армий «Центр», встал из-за стола и подошёл к висевшей на стене карте. Он принялся внимательно рассматривать какие-то разноцветные пометки на ней.

«Пока всё неплохо, – удовлетворённо подумал он. – Если так будет продолжаться дальше, Красная Армия скоро оставит Брянск, а там и до Москвы недалеко».

Положение на фронте сложилось в их пользу. Русские продолжают отступать, иногда переходя в контратаки. Бессмысленные контратаки, которые заканчиваются для них, как правило, новым поражением. Так русские только теряют свои силы, давая новые возможности Вермахту.

Фон Хольшенбаху было всего двадцать пять лет, но, несмотря на такой молодой возраст, он уже сумел отличиться на Восточном фронте.

Продвижению по службе помогли не только ум и личная храбрость молодого офицера, но также хорошее знание русского языка. Ещё чуть больше года назад фон Хольшенбах жил в Латвии, но после того, как 17 июня 1940 года совет-

ские танки вошли в Ригу, он бежал на свою историческую родину. Предки Людвига, немцы по национальности, несколько веков жили в России, отдавая предпочтение службе на военном российском флоте.

Людвиг фон Хольшенбах изменил этой традиции – вместо морской формы он надел форму офицера Абвера и стал разведчиком. Правда, на нём сейчас был надет мундир офицера медицинской службы, но это для маскировки.

За год он сумел отличиться во время военных кампаний в Югославии и Греции, а потом в СССР. В июле 1941 года ему присвоили звание обер-лейтенанта, с чем его лично поздравил руководитель Абвера при группе армий «Центр» полковник Шварц. При этом его почему-то не наградили, хотя он и рассчитывал как минимум на Железный крест. Некоторые завистники во время застолий в офицерских казино говорили, что своей карьерой фон Хольшенбах обязан прежде всего влиятельным прусским родственникам и уж во вторую очередь – профессионализму и храбрости.

– Выскочка. Вчера о нём никто не знал. Откуда он, чёрт побери, взялся? Хорошо делать карьеру, имея такие связи, как у него. – Фон Хольшенбаху часто приходилось слышать такие разговоры.

Людвигу все эти слухи и разговоры порядком раздражали. Чтобы раз и навсегда их развеять, ему было нужно успешно провести какую-нибудь важную операцию. Он был уже близок к этому. В начале июля в одном из лагерей для воен-

нопленных фон Хольшенбаху удалось завербовать советского старшего лейтенанта, который сдался в плен добровольно и с оружием. Этот старший лейтенант был сильно обижен на коммунистов. В разведшколе ему дали псевдоним «Вальтер», потому что он никогда не расставался с одноименным немецким пистолетом.

После того как «Вальтер» прошёл двухнедельную подготовку, его переправили за линию фронта в тыл Красной Армии. Там он выдал себя за окруженца. После быстрой проверки его зачислили во вновь формирующийся артиллерийский полк на штабную должность. Проведя там две недели, агент выкрал секретные документы, после чего успешно перешёл линию фронта вместе с завербованным им сержантом-артиллеристом, сыном репрессированного советской властью крестьянина Курской области.

По словам «Вальтера», в Брянске у него есть знакомый, работающий в горкоме партии и не любящий советскую власть. Агент считал, что он сможет предоставить Абверу полезную информацию. Брянское направление очень интересовало командование группы армий «Центр» в свете предстоящего наступления на Москву. В том, что такое наступление скоро начнётся, фон Хольшенбах не сомневался.

Ну а в ближайшие дни должна перейти в наступление на юг 2-я танковая группа под командованием Гудериана. Это, без сомнения, приведёт к тому, что моторизованные армейские корпуса 2-й танковой группы Вермахта оторвутся от

пехотных дивизий, фронт растянется, и у русских появятся возможности для контрударов, как это было в июле. Так что нужно как можно точнее определить силы русских, в том числе на Брянском направлении, понять их устремления.

«Вальтера» во второй раз отправили в тыл к русским десять дней назад. Ему поручили пробраться в Брянск и войти в контакт со своим знакомым из горкома партии с целью сбора разведывательной информации. Людвигу пришлось дать своему разведчику явку одного из немецких агентов, действовавших в этом городе. «Вальтеру» рекомендовали опять проникнуть в ряды Красной Армии и собирать изнутри важные сведения о ней. Вместе с ним через линию фронта перешли ещё два немецких агента, один из которых радист.

Вначале всё шло хорошо, но через неделю рация «Вальтера» замолчала. Агент и его помощники пропали...

Людвиг фон Хольшенбах связывал с «Вальтером» большие надежды, и теперь после его таинственного исчезновения он не знал, что и думать. Возможно, его схватили русские. Кроме того, не исключено, что он просто плюнул на немецкую разведку, решив раствориться в «тумане войны». Но это практически исключалось, ведь всем прекрасно известно о неизбежном падении коммунистической России. Самым плохим вариантом был тот, при котором «Вальтер» оказывался русским двойным агентом.

«Хотя что он мог узнать? – размышлял фон Хольшенбах. – Почти ничего. У нас тысячи таких агентов, набранных из военнопленных. Скольких я таких уже отправил на

ту сторону? Вначале пусть докажут, что они что-то могут. Пусть подсвечивают аэродромы русских, пусть вносят панику в части, куда им удастся пробраться, убивают коммунистов и комиссаров. Но, конечно, этот русский ценней многих из них. Жаль будет, если он пропадёт. Нужно узнать, где он. Придётся обратиться к Отто. Он не откажет».

Мысли немецкого обер-лейтенанта прервал телефонный звонок. Он отошёл от настенной карты, подошёл к столу, поднял телефонную трубку. Лицо его озарила улыбка.

– Отто, здравствуй, – сказал он. – Я как раз вспоминал тебя. Ты мне нужен по срочному делу. Занят? Можно зайти? Хорошо, через пять минут буду.

Фон Хольшенбах положил телефонную трубку, посмотрел на себя в зеркало, поправил мундир, взял фуражку и направился к выходу из кабинета. Однако на полпути к двери он остановился, вернулся назад к столу и опять взялся за телефонную трубку.

– Дежурный, это «Четвёртый». Распорядитесь привести ко мне в 17:00 агента «Быстрого». Да, «Быстрый». Ровно в 17:00.

Закончив говорить по телефону, Людвиг вышел из кабинета, тщательно запер на ключ дверь и направился к своему приятелю обер-лейтенанту Отто Харманну, офицеру 2-го отделения Абвера при группе армий «Центр», которое занималось диверсиями в тылу противника.

Отто Харманн, как и фон Хольшенбах, тоже раньше жил

в Литве, но уехал оттуда намного раньше, чем его приятель. В Риге они лично знакомы не были, так как принадлежали к разным слоям общества. Познакомились они несколько месяцев назад, если точнее, то в апреле 1941 года, во время боев в Греции. Они сразу подружились, хотя и являлись противоположностью друг другу. Если фон Хольшенбах был не очень общителен, среднего роста и из всех видов спорта предпочитал только шахматы, то Харманн – душа любой компании, весельчак, высокого роста, прекрасный спортсмен. Но, как часто бывает, противоположные люди становятся друзьями. Так случилось и с этими молодыми немецкими офицерами. Наверное, их объединило детство и юношество, проведённые в одном красивом прибалтийском городе – в Риге.

Офицер 2-го отделения Абвера при группе армий «Центр» сидел за своим рабочим столом и со скучающим лицом читал какую-то бумагу. На нём был надет мундир офицера связи – тоже, естественно, для маскировки.

– Новое распоряжение моего командования, – объяснил он Людвигу, когда тот появился перед ним. – Требуют, чтобы я писал более подробные докладные записки. Их, видите ли, не устраивает, – он наклонился к бумажке и прочёл: «Лаконичный стиль изложения». – Подумать только! Нашли штабиста! Пусть писаря пишут, а я не писатель. Ты же знаешь, как мне не нравятся все эти отчёты.

Действительно, Отто Харманна трудно было заподозрить

в любви к книгам и чернилам. Совершить дерзкий налёт на вражеский штаб, взорвать мост, чтобы противник по нему не смог вовремя прислать подкрепление, – в этом он был большим мастером. Ну не всем же становиться Ницше или Гёте.

– Не шуми, Отто, – Людвиг присел на стул. – Без бумагомарания даже наша работа не может обойтись. Я думал, ты уже к этому привык.

– Как же, привыкнешь к такому, – буркнул диверсант. – Пора обедать. Пойдём в столовую?

Или приказать Курту пожарить картошку? Он это быстро сделает.

Обер-ефрейтор Курт Шульц был денщиком Харманна и заботился о нём лучше, чем самая умелая берлинская гувернантка. В России Курт обеспечивал своему командиру дополнительное питание, изымая у местного населения различные продукты, начиная от молока и яиц и заканчивая самогоном. Местные жители, конечно, в большинстве своём неохотно расставались с продуктами, которых у них самих было не очень-то и много. Однако некоторые русские проявляли инициативу и добровольно делились с немецкими солдатами продуктами.

У фон Хольшенбаха тоже имелся денщик – ефрейтор Вилли Мюль из Штральзунда, но он не отличался такой крестьянской сноровистостью, как Шульц.

– Жареная картошка – это великолепно, – высказал своё мнение Людвиг.

Хозяин кабинета, не вставая, наклонился немного в сторону и три раза ударил кулаком по стене. Раздался громкий стук – перегородки между комнатами в здании, где временно разместилось подразделение разведки группы армий «Центр», кое-где были чуть ли не картонными.

Через минуту в дверях появился обер-ефрейтор.

– Курт, пожарь нам картошки. Ну и что там у нас ещё осталось? Мы с господином обер-лейтенантом пообедаем сегодня у меня.

Денщик щёлкнул каблуками и сразу же исчез в неизвестном направлении.

– Так что у тебя за дело ко мне, Людвиг? – задал вопрос хозяин кабинета, как только за его денщиком закрылась дверь.

Фон Хольшенбах за недолгое время знакомства с Харманном уже успел узнать, как он думал, когда с ним следует говорить откровенно, а когда нет. Так что он сразу же постарался объяснить, что ему нужно, скрыв при этом от него некоторые незначительные подробности.

– Дорогой Отто, мне нужна твоя помощь. У меня пропал где-то под Брянском перспективный агент. С ним я связывал определённые надежды. Может быть, у тебя найдётся, кому его поискать? В последний раз он выходил в эфир в полосе 50-й армии русских в Дятьковском районе.

Харманн задумчиво смотрел на своего приятеля. Ему вдруг захотелось почесать у себя за ухом, как это бывало

с ним в минуты, когда предстояло сделать трудный выбор. Всего лишь час назад он разговаривал со своим начальником майором Шнитке, сообщившим интересную новость.

– Кстати, Отто, между нами, – сказал майор Шнитке, – я слышал, что полковника фон Хольшенбаха хотят назначить на хорошую должность в рейхскомиссариат «Украина», который, как вы, наверное, знаете, был вчера образован. Этот полковник фон Хольшенбах – дядя вашего приятеля Людвиг фон Хольшенбаха?

– Да, герр майор. Людвиг несколько раз упоминал в разговоре со мной своего дядю полковника фон Хольшенбаха.

– Кажется его дядя, ха-ха, скоро станет генералом. Только не говорите об этом своему другу, Отто, пусть дядя его сам обрадует.

Об образовании рейхскомиссариата «Украина» Харманн ещё ничего не знал (своих дел хватает!), но о существовании у Людвиг дяди, видного партийного чиновника, ему было хорошо известно. Поэтому-то сейчас Отто и размышлял о том, как быть с просьбой своего приятеля. Отказывать ему не хотелось. И дело даже не в наличии влиятельного дяди, а в том, что Людвиг ему действительно симпатичен как товарищ и соотечественник.

– Это очень важное для меня дело, Отто. Ты мне поможешь сейчас, а я это никогда не забуду и обещаю при случае выручить тебя. Ведь все мы иногда нуждаемся в дружеской помощи. Подумай.

Я рассчитываю на тебя.

В дверь постучали, вошёл обер-ефрейтор Шульц, приготовивший обед. Скоро на столе он расставил миски, тарелки, стаканы, разложил столовые приборы, и всю комнату заволокло вкусным запахом жареной картошки и мяса. Отто пристально, ничего не говоря, смотрел на своего денщика до тех пор, пока тот не достал из шкафа бутылку французского коньяка. После этого лицо хозяина кабинета стало довольным. Он с благодарностью произнёс:

– Спасибо, Курт. Можешь идти.

Во время обеда приятели не говорили о работе, а вспоминали годы, проведённые в Риге, дружно ругали англичан и их «бульдога» Черчилля.

– Во Франции некоторым англичанам всё-таки повезло. Скажешь, нет? Они сумели сбежать к себе на остров. Фюрер был к ним слишком добр. Они не оценят его доброту, Людвиг, не оценят. Вот увидишь. Нужно было сразу вырвать этому толстому бульдогу Черчиллю все его клыки. Чтобы он никогда больше даже в мыслях не хотел нас укусить.

Харманн пустился в многословные рассуждения о политике. Это было его слабостью. Он любил поговорить о вещах, в которых не очень хорошо разбирался. Правда, он сам думал, что, наоборот, очень даже сведущ в них. Если раньше фон Хольшенбах с ним иногда спорил, то в последнее время

перестал это делать. Проще было согласиться, так как бессмысленные споры стали его утомлять.

Только когда обед закончился, за чашкой кофе, тоже приготовленного денщиком, Отто Харманн вернулся к прерванному разговору.

– Дорогой Людвиг, – сказал он. – Думаю, я смогу тебе помочь, но мне сначала нужно, как ты понимаешь, поговорить с шефом. Полагаю, майор Шнитке не станет возражать. У нас как раз в тылу 50-й армии русских есть группа агентов. Правда, они там находятся уже месяц, понесли потери, мы хотели их отозвать, но наш долг – помогать друг другу. Не так ли? Я поставлю перед ними задачу найти твоего человека. Сегодня же поговорю со Шнитке, а потом зайду к тебе, и мы обсудим детали. Это тебя устроит?

Именно на это и рассчитывал фон Хольшенбах, когда шёл к своему приятелю.

– Конечно, устроит, Отто! Я знал, что ты надёжный товарищ! Ты даже не представляешь, как для меня это важно. Если тебе понадобится от меня какая-нибудь помощь, любая, – обращайся без колебаний! Я твой должник!

– Тогда давай, дорогой Людвиг, выпьем ещё по рюмочке коньяка. За дружбу.

Абверовцы одновременно рассмеялись. Они были довольны друг другом.

21 августа 1941 года

Брянщина

Только после обеда поисковая группа старшего лейтенанта госбезопасности Александра Тихонова добралась до деревни Васильевки. Просёлочная дорога в полуторке не доставила Тихонову никакого удовольствия. Вот уже целую неделю он спал чуть ли не по четыре часа в сутки и поэтому практически весь путь, сразу после того, как грузовик двинулся с места, боролся со сном. Развеять сон только немного помог разговор с водителем Михайленко про кино. Но как только они замолчали, старший лейтенант опять задремал.

Пограничники в кузове вначале о чём-то переговаривались, а затем замолчали: они тоже уснули.

Полуторка ехала между полей с рожью и пшеницей, изредка проезжая небольшие рощи, но не заезжая в лес. Жаркое августовское солнце до того разогрело землю, что казалось, будто бы в Советском Союзе теперь будет тропический климат.

Васильевка была даже не деревней в полном смысле этого слова, а скорее деревушкой, небольшим посёлком, состоящим из двух десятков дворов. Она располагалась на самом краю густого леса. Когда-то, поговаривали, более ста лет то-

му назад, в этот район приехали поморские староверы, да так и остались там. Были они людьми работающими, и Васильевка не зря считалась зажиточной деревней. Зажиточным стал и колхоз, образованный там при советской власти.

Тихонов, когда показались околицы Васильевки, разминая шею, сделал круговые вращения головой, потом несколько раз опустил и опять согнул в локтях руки. От долгого сиденья в кабине грузовика у него затекли все мышцы.

– Приехали, Михайленко? Васильевка? – обратился он к шофёру.

– Так точно, товарищ старший лейтенант. Васильевка.

– Ну наконец-то, а то я стал думать, что уже никогда мы сюда не доедем. Почему ты так медленно едешь? Ты что, боишься на мину наехать?

– Нет, товарищ лейтенант, мин не боюсь. А вот пробить колесо по такой дороге – опасаясь. Чего тут только не накидано! Хотя бы убрали с дороги железки.

– А что ты хотел? Фашисты наступают, людям не до заботы о чистоте. Тем более на дорогах в такой глухомани. Скажи спасибо, что доехали.

– Так я и так уже сказал спасибо. Мне не сложно.

Автомашина въехала в село и направилась к его центру, где располагалось правление колхоза. На дороге и во дворах никого видно не было. «Попрятались от жары по домам, – подумал старший лейтенант. – Я бы тоже сейчас посидел бы в теньке под яблонькой или вишней. А ещё лучше зайти в

прохладную хату да выпить кружку молочка из погреба. Эх, мечты-мечты».

– Где здесь правление колхоза?

– Да вот оно, справа, – Михайленко кивнул в сторону длинного одноэтажного деревянного здания, у входа которого висел красный флаг. Через минуту полуторка остановилась. Мотор перестал работать, и Тихонов услышал, как в соседних дворах сонно вздыхают коровы, негромко кудахчут куры и лениво тьякают собаки.

Старший лейтенант начал было открывать дверь, чтобы наконец-то выбраться из тесной для него кабины, как вдруг с чердака соседнего дома по полуторке длинной очередью ударил ручной пулемёт.

8

И сразу же вслед за пулемётом застрочили автоматы. Казалось, пули неслись к грузовику со всех сторон. Нападение было очень неожиданным. Тихонов успел всё-таки выбраться из кабины, но в него тут же попало сразу несколько пуль, и он упал на землю, поливая её своей кровью.

«Засада. Как же так. Мама...» – успел он подумать перед смертью.

Старшина-пограничник, ехавший в кузове полуторки, раненный в грудь и в живот, нашёл в себе силы поднять автомат и сделать несколько выстрелов в сторону чердака, откуда всё строчил и строчил неугомонный пулемёт. Однако выпущенные пограничником пули прошли далеко от пулемётчика. Больше он ничего не успел сделать – в него попала автоматная очередь.

Остальные члены поисковой группы старшего лейтенанта госбезопасности Александра Тихонова, в том числе и водитель автомашины, погибли при первых же выстрелах. Никто из них не ждал нападения, хотя к этому нужно было быть готовым. Но, увы, на войне все ошибаются. За это приходится порой расплачиваться по самому большому счёту – собственной жизнью.

Выстрелы одновременно, как по команде, неожиданно прекратились. Настала тишина. Замолчали собаки, домаш-

ний скот, даже сверчки.

Прошло минуты две, после чего из-за угла одного из домов показалось два человека, одетых в форму бойцов НКВД. Они осторожно приблизились к полуторке, постоянно оглядываясь. Один из них подошёл к убитому старшему лейтенанту и из автомата дал по нему короткую очередь. Этого он мог не делать – командир поисковой группы был уже мёртв. В это время второй ловко запрыгнул со ступеньки кабины в кузов грузовика, и через секунду оттуда тоже донеслись короткие автоматные очереди.

– Готово! – раздался голос из кузова.

Тут же из крестьянских домов, из здания правления колхоза начали выходить другие вооружённые автоматами ППД люди, одетые в форму бойцов НКВД. Человек восемь, не больше. Это были как на подбор крепкие тренированные парни не старше тридцати лет. Среди них выделялся высокого роста офицер, в петлицах формы которого блестели два эмалевых прямоугольника, говоривших, что он носит звание старшего лейтенанта госбезопасности.

Немецкие диверсанты – а это были диверсанты одной из рот полка «Бранденбург-800» – собрали в одном месте трупы убитых красноармейцев. К ним же они оттащили и тело капитана Тихонова.

– Обыскать! Собрать оружие и документы! – кивнул офицер в сторону убитых, и двое солдат принялись немедленно выполнять его приказание.

Сам же офицер вынул из кармана белый носовой платок, снял с головы фуражку и протёр лоб, на котором выступили крупные капли пота: солнце продолжало нещадно обогреть грешную Землю. К нему вскоре подскочил сержант госбезопасности и передал какие-то документы.

– Это бумаги офицера, господин лейтенант.

– Чёрт бы побрал тебя, товарищ сержант! – тут же вполголоса выругал его старший лейтенант госбезопасности. – Какой «господин лейтенант»? Разве ты не видишь, какая на мне форма? Забыл, где мы? Ещё одна такая ошибка, и по возвращении тебя строго накажут. Тебе всё ясно, «товарищ сержант госбезопасности»?

«Сержант» хотел что-то сказать, но всё-таки промолчал. Он уже хорошо знал тяжёлый характер лейтенанта Генриха Роша, командира их группы. Вместо этого провинившийся диверсант отошёл в сторону и стал искать у убитых патроны.

Из дома правления колхоза вышел мужчина в гражданской одежде. Он постоял немного на крыльце, осматривая окрестности, а потом направился к полуторке. Одет он был в гражданский чёрный костюм, уже довольно поношенный, но ещё не утративший свою форму. Когда он шёл к автомашине, стала заметна его небольшая хромота.

Лейтенант Рош обернулся к нему.

– Может быть, всё-таки пойдёте с нами? Ведь вы ранены...

– Нет, благодарю. Рана не опасная. Она уже почти зажила. Пустяки. Я смогу выполнить задание, так и передайте.

Эти двое продолжали прерванный недавно разговор. Они неплохо понимали друг друга.

Рош пожал плечами.

– Это ваш выбор. Тогда я должен дать вам рацию, комплект запасного питания к ней и двух человек, один из них радист.

– Вот за это спасибо. А то моих двух коллег чекисты убили. Пришлось всё бросить и спасаться. Тогда-то меня и ранило. К счастью, не очень серьёзно, отлежался.

Лейтенант Рош отдал короткий приказ, и вскоре немецкие диверсанты, взяв оружие убитых красноармейцев, вышли из Васильевки и растворились в густом лесу: деревья подошли почти вплотную к этому населённому пункту. Вместе с диверсантами ушёл и незнакомец в гражданской одежде. Несмотря на ранение, шёл он довольно быстро, почти не хромя. И это было немного странно, так как ранее хромота его была заметней.

«Всё прошло хорошо, по плану, – думал Рош. – Русские даже опомниться не успели. Это я неплохо сделал. И хорошо, что обошлось без потерь. Не люблю, когда в группе появляются раненые. Это мешает и плохо влияет на солдат. Но этого агента, хромого, я не понимаю. Он или очень умён, или очень глуп. Мог бы ведь сейчас уйти с нами. Ладно. Это его проблемы».

Углубившись в лес на два километра, немецкие диверсанты разделились. Незнакомец в гражданской одежде в сопро-

вождении двух немецких диверсантов в красноармейской форме направился на восток, а вся остальная группа лейтенанта Генриха Роша повернула на запад.

В центре деревни Васильевки у правления колхоза осталась стоять расстрелянная полуторка. Стекла в кабине выбиты, двери распахнуты. Возле автомашины на земле лицом вверх лежал убитый старший лейтенант Александр Тихонов. Недалеко от него – все члены его поисковой группы и водитель полуторки, тоже убитые.

3 августа 1941 года

Подмосковье Военный госпиталь № 3011

Лейтенант госбезопасности Алексей Орлов сидел напротив главврача военного госпиталя № 3011 Безводного Родиона Михайловича и доказывал, что он уже совсем здоров.

– Вот, посмотрите, доктор, – говорил он, поднимая и опуская руки. – Посмотрите. Отлично поднимаются и отлично опускаются. Ничего не мешает. Даже не болит. Я опять хочу вас поблагодарить, доктор. Вы спасли мне жизнь. Вы совершили чудо. Рана зажила. Теперь я готов, как говорится, опять встать в строй.

Подполковник медицинской службы, повидавший на своём веку таких беспокойных и нетерпеливых раненых ещё в Первую мировую войну, скептически улыбался и отрицательно мотал головой.

– Нет, батенька мой, не могу. Не уговаривайте и не просите. Рука ваша ещё полностью не восстановилась. При резком движении – а такие молодые люди, как вы, не могут обходиться без них, я-то знаю – рана напомнит о себе. Сухожилия, нервы, батенька мой, вещь тонкая. Пусть хорошенько заживёт рана, а потом уже езжайте на все четыре стороны. Это моё окончательное решение.

Ранение Алексей Орлов получил через неделю после начала войны в районе украинского города Броды, когда находился на Юго-Западном фронте. Пуля, выпущенная немецким автоматчиком, попала ему в правое плечо, доставив серьёзные неудобства. К счастью, немецких мотоциклистов, неизвестно как оказавшихся на пути небольшого отряда Орлова, вскоре рассеяли пулемётным огнём два краснозвёздных броневика, вовремя появившихся на дороге.

Это было первое ранение Алексея, поэтому, наверное, он вначале не отнёсся к нему серьёзно. Один из бойцов сделал ему перевязку.

– В медсанбат вам нужно, товарищ лейтенант, – сказал он, заканчивая возиться с бинтом. – Ранение то у вас, по всему виду, серьёзное. Пусть доктора осмотрят.

– Подождёт медсанбат. Ничего страшного. И почему ты решил, что серьёзное? Мне кажется, что ничего серьёзного. Обычное лёгкое ранение. Перевязал – и отлично. Пока так сойдёт, а медсанбат будет потом.

– Всё-таки лучше сразу, чтобы доктор осмотрел...

– Так, всё, спасибо, рядовой, можете идти. Без вас как-нибудь разберёмся.

Но Алексей не спешил обращаться к медикам, так как ему нужно было выполнить боевой приказ: забрать из 212-й моторизованной дивизии пленного немецкого капитана-танкиста и доставить его в штаб Юго-Западного фронта. Немецкие офицеры, да ещё танкисты, были тогда очень ценными

пленными, о чём лейтенанту Орлову и сообщили, направляя в 212-ю моторизованную дивизию. Девятнадцатилетний лейтенант проникся важностью поставленной перед ним задачи и, даже получив ранение, её выполнил.

Правда, к тому времени когда Алексей доставил пленного немецкого офицера в штаб Юго-Западного фронта, ему стало совсем плохо: каждый шаг отдавался острой болью во всем теле.

Только сдав фашиста кому положено, Орлов отправился в эвакуационный госпиталь. Слово «эвакуационный» его не устраивало, так как он никуда эвакуироваться не собирался. Он хотел только показаться врачу, чтобы ему «зашили рану». Но эвакуогоспиталь оказался самым близким из расположенных медицинских военных учреждений, поэтому-то Орлов туда и попал.

Когда пожилая медсестра размотала рану, дежурившая капитан медицинской службы Синявцева недовольно покачала головой.

– Когда вас ранили? Сутки назад? Что ж вы сразу не обратились в медсанбат?

– Не мог, товарищ капитан, нужно было приказ выполнить, – попытался улыбнуться Орлов, но из-за боли, вызванной неловким движением, на его лице появилась какая-то фантастическая гримаса.

Синявцева промолчала, продолжая что-то записывать в толстую тетрадь. Вскоре лейтенанта отвели в перевязочную,

где подготовили его к операции.

– Жалко, молоденький совсем, – сказала пожилая медсестра, протягивая полотенце Синявцевой. – Может быть, всё-таки выживет?

– Будем надеяться. Хватит разговоров. Давайте начинать.

Операция продолжалась довольно долго и прошла, как Орлову сообщили, «успешно». Однако он не почувствовал себя лучше, наоборот, к вечеру у него поднялся сильный жар.

Он, находясь в жару, не помнил, как на следующий день ранним утром двое санитаров перенесли его в грузовик; как уложили его рядом с другими тяжелоранеными красноармейцами и командирами; как у себя в кабинете украдкой вытирала слезы капитан Синявцева; как раненых потом отвезли на железнодорожный вокзал и определили в военно-санитарный поезд; как потом фашистские самолёты чуть его не разбомбили.

Очнулся Алексей через сутки. Температура спала. Ему хотелось пить.

– Воды, пожалуйста, – попросил он.

Вначале его никто не слышал – таким тихим был его голос и так громко стонали другие тяжелораненные солдаты. Но потом к нему подошёл санитар, напоил его из кружки тепловатой водой.

– Где я? – сумел выговорить лейтенант перед тем, как опять впасть в забытьё.

– В поезде, сынок, в поезде. Скоро приедем в большой госпиталь. Там тебя вылечат, – ответил ему пожилой санитар, но Алексей этого уже не слышал.

На следующий день Орлову стало заметно лучше. Он даже несколько раз улыбнулся, когда к нему подходил пожилой санитар, которого все звали просто дядя Ваня. Температура ещё была, но не такая высокая, как раньше.

Алексей целый час лежал и смотрел в окно на мелькавшие поля, леса, речки, небольшие села и городки. Ему всегда было интересно ездить в поездах. Почему – он и сам толком не мог понять. Наверное, потому, что когда едешь в поезде, то кажется, что впереди тебя ждёт что-то необычное, что скоро твоя жизнь изменится, потечёт по новому руслу, а на конечной станции тебя ждёт какой-нибудь приятный сюрприз.

Изредка их санитарный эшелон останавливался на железнодорожных станциях, но потом опять быстро отправлялся в путь. Кое-где он замечал черные от пожаров разбомблённые здания, валявшиеся недалеко от железнодорожного пути вагоны. «Немцы бомбят, сволочи», – отрешённо думал он.

Время от времени в сторону фронта проходили воинские эшелоны с людьми и военной техникой, и тогда его сердце начинало биться быстрее. Ему хотелось встать, открыть окно, выглянуть из него, чтобы получше рассмотреть красноармейцев, которым предстояло разбить фашистов, но сделать этого он не мог: сил у него совсем было мало.

В конце концов санитарный поезд, в котором находился Орлов, доехал до Подмосковья, и Алексея поместили в военный госпиталь. Там ему сразу же сделали ещё одну операцию. Хирург, делавший её, заверил Орлова, что «всё обойдётся», и он ему поверил.

Вместе с Орловым в большой светлой палате командного состава лежали вначале только танкист-капитан и лётчик. Они представляли разные рода войск, но раны у них оказались одинаковые – оба сильно обгорели. Потом к ним в палату принесли раненного в грудь пехотного майора, доставленного откуда-то с юга, а также молодого лейтенанта, подорвавшегося на mine. У лейтенанта взрывом оторвало ногу, и он ещё долго не мог в это поверить.

– Как же так? – с обидой в голосе спрашивал он своих соседей по палате. – Что я теперь буду делать с одной ногой?

Куда я теперь?

Ему никто не отвечал, но потом эти вопросы так надоели другим раненым, что лётчик, весь обмотанный бинтами, только глаза сверкали из оставленных щелей, зло проговорил:

– Главное – живой, дурак, – и надолго замолчал.

Ну а в целом в палате было тихо. Алексей надеялся на скорое выздоровление. А вот вести с фронта передавали совсем нерадостные. Каждый раненый и все сотрудники госпиталя с тревогой следили за положением на фронте. Почти каждый день радио сообщало, что наши войска под напором превосходящих сил немецко-фашистских войск вынужденно оставили то один, то другой крупный населённый пункт. Враг на удивление быстро захватил Западную Украину, Латвию, Литву, значительную часть Эстонии, почти всю Белоруссию, вышел к Киеву.

Когда в середине июля стало известно, что фашисты захватили Смоленск, капитан-танкист не выдержал:

– Да что ж это такое! Почему наши отступают? Воевать разучились, что ли?! Они до Москвы драпать собрались?

Раненые, к тому времени немного пришедшие в себя и начинавшие поправляться, опять принялись спорить о положении на фронте. Даже безногий лейтенант и тот поддерживал разговор. Видимо, на него благоприятно подействовали получаемые из дома письма: он теперь хотел поскорей выписаться из госпиталя и поехать к себе на родину в один из

небольших уральских городов.

Веселее становилось, когда в госпиталь приходили пионеры. Они часто навещали раненых красноармейцев и командиров, давали концерты, дарили небольшие подарки. Особенно бойцы радовались куреву.

Алексей, общительный и жизнерадостный парень, быстро привык к жизни в госпитале, но и он, конечно, как и многие другие раненые, мечтал поскорей из него выбраться. Он хотел вернуться на фронт, заняться настоящим делом. Именно поэтому он говорил врачам, что с раной всё в полном порядке, чувствуя, правда, ещё небольшие боли при движении правой рукой. Но врачи почему-то не спешили его выписывать.

Вот и главврач военного госпиталя № 3011, подполковник медицинской службы Безводный Родион Михайлович, тоже считал, что ему пока рановато идти на выписку.

Только в начале августа, когда Алексей Орлов уже не мог лежать на одном месте и стал ходить по всему госпиталю, врачи на медкомиссии пришли к выводу, что ему больше нечего делать в их медицинском учреждении. Получив заключение комиссии о том, что он полностью пригоден к дальнейшей службе, Алексей в возбуждённом состоянии вернулся к себе в палату. По его счастливому лицу товарищи сразу всё поняли.

– Что, выписывают, лейтенант? – поинтересовался танкист.

– Да! Завтра утром уезжаю.

Соседи по палате принялись его поздравлять и давать напутствия. Их слова вылетали у Алексея, как говорится, из второго уха, так как он мыслями уже был там, на фронте.

22 августа 1941 года

Москва

Орлов, выписавшись из госпиталя, направился в Москву, куда ему следовало прибыть для получения направления на прохождение дальнейшей службы. Так получилось, что раньше он ещё никогда в столице не был и поэтому с нетерпением ожидал встречи с ней.

Машина из госпиталя довезла лейтенанта до станции метрополитена, а сама направилась куда-то на склады, находившиеся на окраинах. Он с восхищением смотрел по сторонам: на дома, афиши, автомобили, прохожих. Орлову, родившемуся и выросшему в небольшом южном российском городке, Москва показалась гигантской и необъятной. Он, смотря во все глаза по сторонам, несколько минут потрясённо стоял возле входа в метро.

Москва уже не была мирным городом. Везде, начиная с дальних пригородов, ощущался переход к военной жизни. Ещё не доезжая до столицы, Орлов увидел противотанковые рвы, железные надолбы, траншеи, а также тысячи людей, строивших всё это. Столица твёрдо готовилась к обороне, хотя фашисты далеко, и никто не хотел верить и не допускал мысли, что они доберутся к ней. Время от времени ему

попадались навстречу отряды народного ополчения, правда, почти все они почему-то были без оружия.

Кое-где виднелись следы бомбёжки. Алексей слышал по радио, что фашистские лётчики ещё 22 июля совершили первый массовый налёт на советскую столицу и теперь время от времени пытаются её бомбить. Но зенитные батареи и немногочисленные краснознамённые истребители пока успешно противостояли немецким бомбардировщикам.

Москвичи, спешившие в то августовское утро по своим обычным делам, недовольно смотрели на молоденького лейтенанта, застывшего по самому центру пешеходного тротуара. Наконец, сообразив, что он мешает прохожим, Орлов отошёл в сторону, поправив при этом вещмешок.

Постояв ещё немного, он спустился в метрополитен с намерением попасть на Красную площадь, о которой он так много слышал, но где пока ни разу не был.

«Когда ещё попаду в Москву. Посмотрю Красную площадь, а потом – в отдел кадров», – думал он.

Красная площадь произвела на него сильное впечатление. Это не удивительно, ведь ей любовались, любят и будут любоваться миллионы людей. В центре столицы он пробыл несколько часов, а за двадцать минут до 15:00 вошёл в отдел кадров НКВД СССР.

В коридорах наркомата было не так уж и много людей, что слегка удивило Орлова. Он не знал, что на высшем уровне в июле приняли решение провести частичную эвакуацию

центральных аппаратов НКВД и НКГБ СССР из столицы в Куйбышев, Уфу, Саратов, Чкалов, Киров, Новосибирск и в некоторые другие города, поэтому-то коридоры и опустели. Только в Отделе кадров было многолюдно и даже оживлённо, насколько вообще может быть оживлённо в таком учреждении.

Алексей удивился, узнав, что его примет лично начальник Отдела кадров НКВД СССР старший майор госбезопасности Обручников Борис Павлович. Он-то думал, что ему просто вручат предписание и отправят восвояси.

Ровно в 15:00 Орлова провели в кабинет Обручникова. Старший майор госбезопасности сидел за большим столом, расположенным возле окна, листал папку и курил, стряхивая пепел в массивную пепельницу. Он поднял голову, выслушал представление Орлова, после чего пригласил его сесть на стул.

В кабинете стало тихо. Только едва слышно шелестели переворачиваемые страницы. Наконец хозяин кабинета поднял голову и внимательно посмотрел на Алексея. У него был пронизательный тяжёлый взгляд. Наверное, такой взгляд мог быть только у человека, который хорошо знает всю подноготную других людей.

– Принято решение направить вас в Брянск. Будете проходить службу на Брянском фронте. Там сейчас сложная обстановка. Уверен, вы оправдаете наше доверие. Есть возражения или пожелания?

О лучшем Алексей и мечтать не мог. Ведь его могли направить, например, куда-нибудь в тыл, где, конечно, тоже много дел во время войны, но он-то хотел попасть в действующую армию...

– Никак нет, товарищ старший майор госбезопасности! – ответил довольный Алексей. – Разрешите идти!

Отпуская Орлова, старший майор госбезопасности на мгновение позволил себе улыбку, которая, впрочем, очень быстро исчезла: слишком уж много у него было забот.

Алексей Орлов знал, что Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта Ерёменко, давшего Сталину обещание «разбить подлца Гудериана», был образован совсем недавно – 14 августа. Его главная задача – прикрытие направления на Москву, куда, как ожидалось, Гитлер двинет свои дивизии. Брянский фронт находился на стыке Центрального и Резервного фронтов. В его состав входили 13-я армия генерал-майора Голубева и 50-я армия генерал-майора Петрова.

Но Орлов не знал, хватит ли Брянскому фронту сил для того, чтобы остановить Гудериана. Он очень надеялся, что хватит. Во второй половине августа это было одно из самых опасных направлений, на котором фашисты могли организовать новое наступление.

Когда Алексей, едва дыша, вышел из кабинета начальника отдела кадров НКВД СССР, к нему сразу же подошёл один из сотрудников этого учреждения. Он передал лейтенанту его документы, после чего сказал, что вместе с ним в Брянск поедет ещё один сотрудник НКВД – старший лейтенант Никаноров и что Алексею следует его подождать.

Через тридцать минут к Орлову подвели высокого широкоплечего старшего лейтенанта госбезопасности.

– Никаноров, – представился он, и в голосе его отчётливо

звучали железные нотки.

Александру Никанорову было лет двадцать пять, не больше. От всей его фигуры веяло энергией и силой. Казалось, он может, как говорится, свернуть горы. Внешне он был чем-то похож на Орлова. У них обоих были правильные, даже красивые черты лица. Но у Александра они казались немного грубее, возможно, из-за того, что на его лице постоянно играла какая-то пренебрежительная полуулыбка. К тому же Орлов был блондином, а Никаноров – брюнетом.

В органы госбезопасности Александр пришёл за два года до войны. За это время он сумел поднабраться кое-какого опыта. Начальство его ценило за напористость, бескомпромиссность, принципиальность и трудолюбие. Конечно, у него, как и у всех других людей, были недостатки. Однако Никаноров старался их не замечать.

На Алексея он смотрел прямо и весело, не отводя взгляда.
– Орлов, – представился лейтенант и тут же поправился: – Лейтенант Алексей Орлов.

Начавшийся разговор прервал один из кадровиков, объявивший, что ровно в 19:00 они должны выехать на Брянский фронт. Ехать предстояло всю ночь на полуторке через Тулу. Кадровик выдал Орлову и его новому товарищу документы, ответил на заданные вопросы, пожелал удачи, а потом исчез в ближайшем кабинете.

Получившие назначение чекисты быстро нашли ждавшую их полуторку, водителем которой оказался пожилой усатый

сержант. Он что-то недовольно проворчал о ночных поездках, но ни Алексей, ни старший лейтенант на это не обратили никакого внимания.

– Давай, сержант, заводи свою карету, – сказал Никаноров, садясь в кабину грузовика. – Надеюсь, ты хорошо водишь.

В начале восьмого полуторка уже ехала по пригородам Москвы, направляясь в сторону Тулы.

На Брянский фронт Никаноров и Орлов прибыли через сутки, 23 августа. К 23 августа обстановка там стала очень сложной. Фашистско-немецкие войска продолжали атаковать на участке 50-й армии, в частности у деревни Летошники и на реке Угость, и на участке 13-й армии, где ещё 21 августа был оставлен город Почеп. Особенно сложной обстановка была на стыке 50-й и 13-й армий.

Никаноров и Орлов могли приехать и позже, так как водителю пришлось чинить внезапно заглохший мотор, но, к счастью, на это ушло не больше двух часов. Водителю в починке мотора сильно помогло зловещее замечание Никанорова, который сказал, прищуриив глаза:

– Не вовремя у вас, товарищ сержант, машина сломалась. Вы везёте двух командиров для выполнения ответственного задания, а у вас автомашина ломается. Нехорошо...

Сержант испуганно посмотрел на него, а потом с удвоенным энтузиазмом стал копаться в под капотом. Скоро мотор всё-таки заработал. Никаноров подтолкнул своего младшего товарища локтем и кивнул в сторону водителя, вытиравшего тряпкой испачканные руки, как бы говоря: «Видишь? Вечно их нужно подгонять».

Во время поездки Никаноров и Орлов практически не разговаривали друг с другом. Старший лейтенант первым де-

лом занял место в кабине, ну а лейтенанту пришлось лезть в кузов. Но Орлов даже не думал возражать, так как не видел для этого никаких оснований.

Ехать в кузове полуторки на длинное расстояние да ещё ночью, когда хочется спать, – сомнительное удовольствие. Вернее, в этом вообще мало что есть хорошего. Машину постоянно трясёт, кидает из стороны в сторону. И люди, находящиеся в кузове, хватаются за борт, за скамейки, если они есть, или за какие-нибудь другие предметы, лишь бы удержаться на месте.

Несколько раз у Алексея появлялись мысли, что, мол, Никаноров хорошо устроился в кабине, его там меньше трясёт, но он старался их сразу же отгонять. Ему было непонятно, как у него в голове вообще могли появиться такие мысли.

Вещмешок с нехитрыми лейтенантскими пожитками то и дело норовил выскользнуть из-под головы Орлова, и это доставляло не меньшее неудобство, чем шараханье автомашины из стороны в сторону и ухахание по ухабам. В конце концов Алексею всё-таки удалось уснуть, но только уже почти под самое утро.

23 августа 1941 года

Особый отдел НКВД Брянского фронта

Начальник Особого отдела НКВД Брянского фронта Павел Георгиевич Бегма приветливо встретил своих новых сотрудников, прибывших из Москвы. Он крепко пожал им руки и пригласил садиться на расставленные возле его стола стулья. Дел у него было очень много, однако для ознакомительной беседы с Никаноровым и Орловым он всё-таки нашёл время. Тем более что перед ними он хотел лично поставить задачу по обезвреживанию фашистских диверсантов, виновных в гибели поисковой группы лейтенанта Тихонова.

– Садитесь, поближе, товарищи, – указал он на стулья. – Разговор у нас будет серьёзным.

Перед Особым отделом Брянского фронта стояла масса задач. Каждая из них могла бы считаться самой важной. В полосе фронта действовало несколько разведывательно-диверсионных групп противника. Только с начала августа в районе Брянска уничтожили четыре такие группы немцев, состоящих, впрочем, в основном из русских и украинцев. А ведь было ещё большое количество агентов германской разведки, проникавших в советский тыл и в Красную Армию под видом беженцев, пленных военнопленных или красно-

армейцев, выходящих из окружения. К тому же не следовало забывать про паникёров, предателей и дезертиров. А ведь чекистам самим нужно вести разведывательную работу в немецком тылу.

Но Бегму больше всего тревожили диверсанты, которые напали на поисковую группу лейтенанта Тихонова. Вернее, даже не они сами, а хромой беженец, ушедший с диверсантами в лес, как утверждали свидетели из числа жителей Васильевки. Кто этот хромой мужчина в гражданской одежде? Беженец? Почему он ушёл с немецкими диверсантами, причём, судя по всему, добровольно? Почему диверсанты дружески относились к нему? Где он сейчас? Эти вопросы беспокоили Бегму. Тем более если принять во внимание желание Ставки осуществить в ближайшее время контрудар на Брянском фронте. Немецкие диверсанты, напавшие на отряд Тихонова, а также этот подозрительный «Хромой» могли выявить приготовления к контрудару и сообщить об этом Абверу. Именно поэтому их нужно как можно быстрее найти и обезвредить.

Бегма, конечно, не знал точно, действительно ли Ставка прикажет перейти Брянскому фронту в наступление, но не исключал этого. С первых же месяцев войны Ставка старалась при первой же возможности отправлять войска в контрнаступления, которые, впрочем, не всегда оказывались эффективными. Вот и на Брянском фронте, как думал Бегма, в ближайшие дни должно начаться наступление. Приготовле-

ния к этому уже велись.

Начальник Особого отдела НКВД Брянского фронта хорошо помнил про трагическое контрнаступление ударной группы 28-й армии к северу от Рославля, начавшееся 23 июля. Это было самое настоящее героическое наступление, ведь немцы имели не только превосходство в живой силе, но и господствовали в воздухе. Но потом, 1 августа, неожиданно сами гитлеровцы перешли в контрнаступление, и вскоре они появились на Брянщине.

– Устали с дороги? Ничего, товарищи, после войны отдохнём. Сейчас нет времени отдыхать. Вражеские лазутчики и парашютисты-диверсанты проявляют на нашем фронте повышенную активность, – твёрдым голосом произнёс старший майор государственной безопасности. – Сегодня же отправляйтесь в 50-ю армию. Перед вами стоит задача найти и обезвредить группу немецких диверсантов, которая 21 августа в деревне Васильевке убила трёх наших сотрудников и ещё четверых красноармейцев. Судя по всему, это были диверсанты из группы, получившей кодовое название «Десна». С материалами дела вас познакомят в Особом отделе 50-й армии. Он расположен сейчас в деревне Вышковичи. Главой группы назначается старший лейтенант Никаноров. В помощь могу вам дать только истребительный батальон, сформированный в Брянске. Он небольшой, зато товарищи там подобрались опытные и надёжные. Они хорошо знают местность. На ликвидацию немецких агентов даю вам, това-

рищ Никаноров, пятеро суток. Вам ясно?

– Так точно, товарищ старший майор государственной безопасности. В течение пятерых суток найти и ликвидировать группу агентов «Десна» в тылах 50-й армии.

Бегма недовольно поморщился. Уж слишком громкий голос у этого старшего лейтенанта, и слишком нетерпелив он. Но, может быть, как раз и нужен в данном случае такой активный сотрудник? Судя по личному делу, этот Никаноров – вполне квалифицированный розыскник.

24 августа 1941 года

Тыл немецкой группы армии «Центр» Абверкоманда-1В

Когда ефрейтор из узла связи принёс фон Хольшенбаху новую радиограмму от «Вальтера», он уже не находил себе места от волнения. Отто Харманн сказал, что его люди нашли агента и оставили ему рацию. Однако он с тех пор всё ещё не вышел на связь. Это навевало нехорошие мысли. Неужели он, Людвиг фон Хольшенбах, ошибся? Очень плохо, если так. А ему сейчас совершать ошибок, тем более таких серьёзных, нельзя.

Так что фон Хольшенбах не смог сдержать радость, когда ефрейтор протянул ему текст шифровки «Вальтера». Впрочем, абверовец тут же взял себя в руки.

– Можете идти. Вы свободны, – сухо приказал он.

Потом обер-лейтенант несколько раз быстро прочёл текст радиограммы. После почти двухнедельного молчания «Вальтер», получив новую рацию, опять вышел на связь. Спасибо нужно сказать Отто, который сдержал обещание, ориентировал своих людей на поиски «Вальтера», и они в конце концов его нашли в какой-то заброшенной лесной деревне.

Радиограмма, полученная от «Вальтера», оказалась чрез-

вычайно интересной. В ней сообщалось:

23 августа 50-й армии был отдан приказ оборонять занимаемый ею рубеж западнее Брянска. 13-я армия должна удерживать Почеп, восточный берег реки Судость, Погар, Борцево, Лужки и захватить Стародуб. 13-я армия получает значительные подкрепления. На аэродромы прибыло несколько новых эскадрилий истребителей, бомбардировщиков и штурмовиков Ил-2, в том числе из резерва Ставки ВГК. Под Брянском созданы три оборонительные полосы с противотанковыми рвами. Вальтер.

Людвиг довольно улыбался, представляя удивлённое лицо своего шефа, когда он положит это донесение на его стол. Он даже поднялся со стула, расстегнул верхние пуговицы на мундире, что себе редко позволял, и в радостном возбуждении заходил по комнате. Похоже, он не ошибся в «Вальтере». Если он будет продолжать в таком же духе, то скоро Людвиг получит Железный крест.

С некоторых пор Железный крест стал для фон Хольшенбаха какой-то навязчивой идеей.

Он мечтал о нём. Представлял, как наденет эту почётную награду на свой китель и пройдёт по улицам Берлина, как зайдёт в какое-нибудь кафе или ресторан, а все, кто его увидит, будет оказывать ему знаки уважения.

Людвиг понимал, что его мечта о Железном кресте выглядит смешной, нелепой, но не мог побороть себя. Дело дошло до того, что среди его коллег пошли шуточки по этому по-

воду. Даже Отто несколько раз позволил себе посмеяться о его мечте.

Что ж, скоро станет ясно, кто смеётся последним. Ситуация на фронте позволяла надеяться, что командование щедро наградит отличившихся.

Танковые дивизии группы «Гудериан» успешно наступали, выполняя поставленные перед ними задачи. Русские, судя по всему, уверены, что главная группировка Гудериана нацелена против северного крыла Брянского фронта, в то время как 47-й танковый корпус должен взять Трубчевск, а 24-й танковый корпус – Новгород-Северский. Всё это для того, насколько мог судить фон Хольшенбах, чтобы обеспечить гораздо более глубокий удар на юг. Русские же ждали удара 47-го танкового корпуса на Брянск. В общем, на этом участке фронта немецкие войска по-прежнему владели инициативой, а русские не могли определить замыслы ОКВ.

Да и для самого Людвига в последние дни было несколько приятных новостей. Его дядя, полковник фон Хольшенбах, получил высокую должность в рейхскомиссариате «Украина», как он на это и надеялся. Естественно, такая очень успешная карьера родственника радовала молодого оберлейтенанта, ведь он рассчитывал получить от этого определённую пользу и для себя.

Но сейчас Людвига больше всего впечатляли достижения агента «Вальтера», собравшего крайне важные разведывательные сведения.

«Но как это он сумел так хорошо устроиться у русских? – недоумевал абверовец. – Любит он рискованную игру».

От приятных размышлений его отвлек телефонный звонок. Это звонил Отто Харманн, у которого, оказывается, был особенный нюх на хорошие новости. Приятели поздоровались, перекинулись несколькими словами, обязательными в таких случаях, и только потом Отто сказал:

– Как там твои дела, Людвиг? Слышал, твой человек нашёлся...

– Да, это так. Давай вечером об этом поговорим, ты не возражаешь?

Харманн, конечно, не возражал. Ещё бы, о таком по телефону никто в здравом уме говорить не будет. Он пригласил приятеля вечером к себе на квартиру, чтобы «открыть бутылку коньяка», и получил от него согласие.

24 августа 1941 года

Брянский фронт Штаб 50-й армии

В штаб 50-й армии Орлов и Никаноров добрались только к вечеру. Задержка была вызвана тем, что требовалось взять с собой приданный истребительный батальон под командованием заместителя начальника одного из райотделов НКВД Брянска старшего лейтенанта Василия Бронского. Правда, полноценным батальоном это воинское подразделение можно было считать только условно – оно насчитывало всего 90 человек, вооружённых винтовками, двумя ручными пулемётами, гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Зато к личному составу никаких претензий быть не могло: в батальон входили брянские рабочие-коммунисты, комсомольцы, милиционеры, несколько сотрудников территориальных органов НКВД.

– А что, у вас нет оперативной легковой автомашины? – удивился Никаноров, узнав от Бронского, что в распоряжении батальона четыре полуторки.

– Не дали. Но нам и полуторок хватает, – сказал командир батальона.

Александр Никаноров на это только недовольно пожал плечами.

За месяц с момента своего формирования батальон уже поучаствовал в поимке нескольких вражеских лазутчиков и парашютистов. Так что его бойцы считали себя обстрелянными. Если враг займёт Брянск, то батальон Бронского должен превратиться в партизанский отряд: для него уже заготовили базу.

Никаноров скептически отнёсся к приданному его оперативной группе истребительному батальону. Он прошёлся перед строем, рассматривая добровольцев, сказал небольшую приветственную речь, сообщив, что перед ними поставлена очень важная задача – найти опасных фашистских диверсантов. Эту новость бойцы встретили молча, настороженно поглядывая на нового начальника.

– И с ними нужно ловить диверсантов? – спросил Никаноров у Алексея, когда они остались одни. – Да какие из них красноармейцы? Они с винтовками, наверное, не умеют обращаться. Ну ладно, тут уж ничего не поделаешь.

Действительно, внешний вид у бойцов был далёк от образцового – практически все ходили в гражданской одежде. Да и вооружение оставляло желать лучшего. Но Орлову не понравились слова Никанорова. Он придерживался совсем другого мнения. Добровольцы Бронского ему сразу пришлись по душе. Среди них много пожилых, всякого повидавших рабочих, а также много вчерашних выпускников школ, большинство из которых по каким-то причинам, в основном из-за плохого здоровья, не взяли в регулярную армию. Да и Ва-

силий Бронский, ещё недавно работавший заместителем начальника одного из райотделов НКВД Брянска, тоже ему понравился. Был он среднего роста, широкоплечий, сильный и немногословный, с внимательным взглядом карих глаз. У своих бойцов он пользовался большим уважением, а его приказы выполнялись быстро и без лишних разговоров.

– Зря вы так, товарищ старший лейтенант, – заступился Алексей. – Они же добровольцы, большинство из них коммунисты и комсомольцы. Некоторые в Гражданскую воевали. Многие отлично стреляют – учились в Осоавиахиме. Ну а опыта наберутся быстро. У меня ведь тоже ещё не много опыта. Давайте сначала посмотрим их в настоящем деле, а потом будем делать выводы.

Никаноров многозначительно хмыкнул.

– Много ты понимаешь, лейтенант. Когда попадём в настоящее дело, как ты выражаешься, будет уже поздно. Мы с тобой не в бирюльки играем, а ловим опасных агентов. Их немцы хорошо учили. Не нужно их недооценивать. Так вот, когда попадут эти добровольцы под автоматный и пулемётный огонь диверсантов, тогда мало никому не покажется.

– Но всё-таки не стоит так категорично...

– Стоит, лейтенант, ещё как стоит. Надо понимать, что может быть.

– Ну а вы сами, товарищ старший лейтенант, много задержали диверсантов? Вот так, чтобы один на один. Лично вы?

Никаноров неприязненно посмотрел на него.

– У меня была другая работа. Но если нужно, то и один на один смогу. Или вы сомневаетесь, товарищ лейтенант?

– Никак нет, не сомневаюсь. Просто я хочу сказать, что давайте не будем сразу хаять добровольцев Бронского. Уверен, они нам пригодятся.

Александр Никаноров, почувствовав, что этот разговор может далеко зайти и привести к нежелательным последствиям, смягчился. Он пообещал присмотреться к новым бойцам, а потом отдал приказ грузиться на автомашины и ехать к месту назначения. Бойцы дружно запрыгивали в полуторки, грузили ящики с боеприпасами, оживлённо переговаривались, шутили.

Никаноров сидел в кабине первой полуторки и нервно постукивал пальцами правой руки по колену.

– Пошевеливайтесь, товарищи! – недовольно выкрикнул он, высунув голову из открытого окна. Ему казалось, что можно было быстрее загрузиться в автомашины. А потом раздражённо бросил шоферу: – Заводи!

Вот так они и доехали в штаб 50-й армии: Никаноров сердитый и злой, а бойцы истребительного батальона весёлые и довольные.

Штаб располагался в деревне. Везде царило оживление. Впереди, там, где фронт, постоянно раздавалась артиллерийская канонада. Алексей, как только услышал её, сразу же разволновался. В последний раз разрывы снарядов и бомб он слышал перед ранением почти два месяца назад на Западной

Украине. Это означало, что враг совсем близко.

Артиллерийская канонада подействовала и на бойцов истребительного батальона: они перестали шутить. Лица их сделались сосредоточенными, а у некоторых – хмурыми, но не испуганными. Алексей увидел, как один молоденький боец лет семнадцати так сильно сжал побелевшими пальцами свою трёхлинейку, что, казалось, ещё немного, и она треснет, согнётся или сломается пополам.

– Полегче, паря, – похлопал по плечу молодого бойца его сосед, пожилой мужчина в чёрном пиджачке, и пальцы, державшие винтовку, немного разжались, приобрели свой нормальный цвет.

Лейтенант Генрих Рош, командир отряда «бранденбуржцев», устроивших бойню в деревне Васильевке, в это время отдыхал под высокой сосной в густой чаще леса. Его люди порядком устали и хотели теперь только одного – выйти из тыла Красной Армии, отдохнуть, привести себя в порядок. Этого же хотел и лейтенант Рош.

«В самом деле, – думал он, – уже месяц мы в тылу русских. За это время мы сделали очень многое, устроили несколько засад на дорогах, уничтожили в легковушке советского генерала. Я потерял убитыми трёх человек. Ещё двух человек вместе с запасной рацией по приказу начальства пришлось передать тому сумасшедшему агенту. Очень странный агент. Добровольно рвётся в самое пекло, несмотря на рану, хотя мог бы отказаться под этим предлогом от выполнения задания. Ладно. Надо думать о себе. Люди устали, нервничают. Пора бы и отозвать нас. Но начальство приказало оставаться в тылу русских ещё неделю. Видимо, что-то намечается...»

Размышления Роша прервал вернувшийся из разведки унтер-офицер Кульчицкий: он вместе с ещё одним солдатом наблюдал за шоссеиной дорогой, которая вела в Брянск. Унтер-офицер был, наверное, самым опытным солдатом в отряде. Лейтенант только ему поручал важные задания.

Кульчицкий доложил:

– Шоссе забито беженцами. В сторону Брянска едут грузовики с имуществом. Судя по всему, из прифронтовых городков эвакуируют советские и партийные учреждения. Много крестьянских телег. Всё это затрудняет движение воинских частей красных. Утром в сторону 50-й армии проехали две большие автоколонны с 45-миллиметровыми и 76-миллиметровыми пушками. Чуть позже туда же проследовало четыре грузовика с ополченцами. Наверное, истребительный батальон, как они себя называют.

– Танки были? – поинтересовался Рош.

– Нет, герр лейтенант, танков не было.

Они говорили вполголоса. В лесу на задании они чаще всего говорили шёпотом или использовали специальные знаки и сигналы. Однако сейчас они могли позволить себе говорить чуть громче – расставленные вокруг лагеря секреты надёжно их охраняли.

– Хорошо. Продолжаем наблюдать за шоссе. Вы же, Кульчицкий, отдохните два часа, а потом возьмите с собой одного солдата и отправляйтесь вот сюда, – Рош ткнул кончиком карандаша в карту. – Выберите место для засады. Операцию проведём завтра утром. Понятно?

– Так точно, господин лейтенант.

– Можете идти.

Однако унтер-офицер ушёл не сразу. Он нерешительно топтался перед сидевшим на пенёчке лейтенантом, желая, видимо, что-то сказать, но не осмеливаясь это сделать. Рош

рассматривал карту, что-то обдумывая и подсчитывая. Заметив рядом с собой тень, он поднял голову.

– Слушаю вас, Кульчицкий, – в голосе лейтенанта чувствовалось раздражение. Он не любил, когда подчинённые отвлекали его по пустякам.

– Герр лейтенант, – переминаясь с ноги на ногу, начал унтер-офицер, – когда прикажут возвращаться? Больше месяца по лесам ходим... Солдаты устали... Нам бы небольшой отдых, недельку или две, а потом мы опять готовы...

Рош мысленно выругался, проклиная русскую лень. Однако вслух ничем не выразил своё недовольство, как-никак, а он один в отряде чистокровный немец, остальные – русские. Кто знает, что им взбредёт в голову в следующую минуту, тем более что они на территории противника, а не в своей части. Так что он постарался, чтобы его голос был миролюбивым, но твёрдым.

– Приказано оставаться в тылу русских ещё неделю. Через восемь, максимум десять дней вернёмся в часть. Вы хорошо поработали, Кульчицкий. Буду просить, чтобы вас наградили медалью. Остальные тоже не останутся без наград. Можете им это передать.

Унтер-офицер в форме сержанта НКВД улыбнулся, как будто бы он получил письмо от семьи, поправил автомат ППД, поблагодарил своего командира, после чего направился к своим товарищам. Он шёл мягкой походкой, как ходит человек, привыкший ходить по лесу так, чтобы не по-

тревожить лишний раз животных и птиц. Он вырос в Западной Белоруссии и с раннего детства был знаком с лесом: его отец работал лесником в Вилейской области. После прихода Красной Армии Кульчицкие втайне для всех ушли в Польшу, прихватив с собой кое-что из нажитого имущества: отец сумел вывести их тайными тропами. Но кое-что пришлось спрятать в лесу в тайных местах. Была надежда, что в родные места они ещё когда-нибудь вернуться. Остальное же добро пришлось бросить или отдать дальним родственникам.

В Польше жизнь у Кульчицких не сложилась. Работы не было, цены на жильё и продукты увеличивались чуть ли не каждый день. Так что после прихода немцев старший сын с радостью пошёл служить новым хозяевам...

До вечера в лагере немецких диверсантов всё замерло. Только однажды в одном месте едва качнулись ветки крушины. Это унтер-офицер Кульчицкий в сопровождении солдата отправился выполнять приказание лейтенанта. После этого лес стал неподвижным. Даже с десяти шагов вряд ли можно было заметить отдыхающих диверсантов, так умело они замаскировались.

Генрих Рош очень большое внимание уделял маскировке. Хорошая маскировка спасает жизнь. Это обер-лейтенант знал по собственному опыту. Уже не раз умение сделать себя невидимым от посторонних глаз спасало ему жизнь. Ему и его солдатам. А для хорошей маскировки требуется совсем немного. Можно и при помощи травы, листьев и веток так

замаскироваться, что тебя не заметят, даже если пройдут в двух шагах. Он вспомнил, как группа диверсантов, в которую он входил, во время войны во Франции устроила на дороге засаду на отступающую колонну французских солдат. Местность была открытая, и им пришлось прятаться и маскироваться в придорожной канаве. Французы во все стороны глядели, но их так и не заметили. За что многие заплатились собственными жизнями...

Когда начало темнеть, вернулся солдат, ушедший вместе с унтер-офицером в разведку. Он о чём-то доложил лейтенанту, указал какую-то точку на карте. Рош после этого сразу же отдал короткую команду, и диверсанты, выстроившись в колонну по одному, стараясь ступать след в след, направились глубже в лес. Рош шёл предпоследним в группе, время от времени останавливаясь и прислушиваясь к звукам, которые издавал лес. Ничего подозрительного не услышав, он шёл дальше, мысленно ругая обер-лейтенанта Отто Хоффмана, по вине которого ему придётся опять ходить по уже порядком надоевшим Брянским лесам.

«От Отто я этого не ожидал, чёрт бы его побрал, – думал он, стараясь ступать след в след идущему впереди агенту. – Уж не вообразил ли он себя всемогущим авторитетом? Пора бы ему самому побывать в тылу русских. Он забыл, как тут обстоят дела. Вот так всегда. Одни делают всю грязную работу, а другие получают награды. Не думал, что Отто окажется таким».

Рош был недоволен, что его отряду приходится задерживаться в тылу Красной Армии. Ему, как и его подчинённым, хотелось вернуться к себе в часть, получить почту из дома и от приятелей, воевавших на других фронтах.

Но недовольство Хоффманом – это полбеда. Его почему-то в последнее время преследовало какое-то неясное чувство тревоги. Точно так было во время Польской кампании буквально за день до того, как его взвод, находившийся тогда в тылу своих войск, подвергся атаке поляков. Это была прорывавшаяся из окружения кавалерийская польская часть. Она случайно наткнулась на взвод «бранденбуржцев» и почти полностью его уничтожила. Рошу тогда удалось спастись благодаря хладнокровию, а может быть, и чуду. Он вместе с пятью своими подчинёнными забаррикадировался в большом старинном двухэтажном доме и сумел продержаться до тех пор, пока не прибыло подкрепление. Слава Богу, у них тогда оказался с собой пулемёт. Если бы не он, то поляки без сомнения добились бы своего. Мощь даже одного пулемёта трудно переоценить.

Лейтенант отчётливо представил, как, вернувшись к себе в часть, после вкусного ужина с коньком закуривает сигарету и садится читать свежие выпуски иллюстрированных журналов *Signal* и *Der Schulungsbrief*. Он даже на мгновение почувствовал запах новеньких мелованных журнальных страниц. Прекрасный отдых.

Это неожиданное то ли воспоминание, то ли предсказа-

ние будущего, живительно подействовало на Роша. Он почувствовал себя опять сильным и неуязвимым. Но при этом стал ещё более осторожным и внимательным. Расслабляться пока ещё было рано. Слишком рано. Только когда они перейдут фронт, можно будет спокойно вздохнуть и не оглядываться на каждый звук хрустнувшей ветки или крик какой-нибудь птицы.

Немецкие диверсанты бесшумно шли к нужному им месту. Вскоре густой лес поглотил их, сделав невидимыми.

24 августа 1941 года

Брянский фронт Особый отдел 50-й армии

Следователь Особого отдела 50-й армии Вячеслав Ильин откашлялся, раскрыл папку и начал докладывать о том, что ему удалось выяснить о гибели в деревне Васильевка оперативно-поисковой группы старшего лейтенанта Тихонова.

Это был невысокого роста тридцатилетний мужчина, немного полноватый. Лицо у него было обычное, ничем не выделяющееся из лиц тысяч мужчин. Он совсем недавно прибыл в 50-ю армию, но уже полностью освоился. Начальство было довольно Ильиным, так как он показал себя грамотным следователем.

Вячеслав Ильин ещё во время учёбы в школе хотел работать в милиции. Потом он закончил юридический факультет университета, и его пригласили на работу в органы. Естественно, он с радостью согласился. И не пожалел. Это оказалось его настоящим призванием.

В кабинете начальника Особого отдела 50-й армии майора госбезопасности Ивана Савельича Шабалина было тесно и накурено. От табачного дыма не спасала открытая форточка. Однако никто не жаловался на густой синеватый табачный дым, повисший в кабинете, – курили все.

Помимо самого хозяина и следователя Ильина, в кабинете находилось ещё два оперативных работника ОО 50-й армии, а также старший лейтенант Никаноров и лейтенант Орлов.

– Нам удалось установить, что нападение на группу Тихонова было совершено примерно в 14:00, – медленно, вполголоса говорил Ильин. – Их полуторка остановилась в центре Васильевки возле правления колхоза. По ней сразу же открыли плотный автоматнo-пулемётный огонь. Наши товарищи не успели сделать толком ни одного ответного выстрела, так как их почти сразу же убили. Только старшина Антонов, судя по всему, успел открыть огонь. Такой дерзости от фашистских агентов никто не ожидал. В деревне некоторое время жил неизвестный мужчина, беженец, хромавший на одну ногу. Он добровольно потом ушёл вместе с диверсантами. Не исключено, что на самом деле это не беженец, а немецкий агент, пробирающийся к нам в тыл или пытающийся перейти линию фронта.

– Вы установили, у кого жил этот раненый беженец? – блеснул своими серыми глазами Никаноров.

– Да, установили. Это некто Кузьма Иванович Петрищев, 1877 года рождения, русский, беспартийный, не судим, – поднял голову Ильин. – К сожалению, от него мы ничего не узнаем, так как он убит.

– Кто его убил? – удивился Никаноров.

– Тело Петрищева нашли в его доме после того, как в Васильевку прибыли наши сотрудники. Он лежал в центре ком-

наты с двумя пулевыми ранениями. Судя по всему, стреляли из пистолета. Одна пуля попала в сердце, а вторая – в голову. Видимо, немецкие диверсанты избавились от свидетеля...

Начальник Особого отдела 50-й армии Шабалин, до сих пор молча сидевший во главе стола и внимательно слушающий всё, о чём говорилось в его кабинете, решил кое-что уточнить. Говорил он главным образом для Никанорова и Орлова.

– Ситуация в тылах нашей армии очень сложная. Помимо вражеских парашютистов и агентов, нам приходится также вылавливать дезертиров и паникёров. Очень много беженцев, а среди них вражеские агенты могут легко затеряться. У многих беженцев даже документов с собой нет: забыли дома в спешке. Но мы работаем. За минувшую неделю в тылах нашей армии было уничтожено три группы вражеских диверсантов общей численностью семнадцать человек. Задержано четырнадцать дезертиров и паникёров. Из-за нехватки личного состава Особого отдела людям приходится работать, как говорится, и за того парня. Спасибо, вас прислали, товарищ старший лейтенант. Да в придачу с целым истребительным батальоном. Очень рассчитываю, что вы поможете найти тех, кто напал на группу Тихонова...

– Найдём, товарищ майор, не сомневайтесь, – заверил его Тихонов.

– Разрешите продолжать, товарищ майор? – Ильин посмотрел на своего начальника.

– Да, продолжайте, товарищ Ильин.

Следователь опять откашлялся и заговорил:

– По данному делу нами арестовано пять жителей Васильевки. Сейчас мы их допрашиваем, чтобы выяснить обстоятельства убийства Тихонова и красноармейцев. К сожалению, пока о диверсантах мы знаем очень мало. Судя по всему, их человек десять, не больше. Все одеты в форму сотрудников НКВД. Старший одет в форму старшего лейтенанта госбезопасности. Словесные портреты составляются и уточняются. Агенты говорят на чистом русском языке, который, видимо, является для них родным.

Ильин на несколько секунд замолчал, а потом продолжил:

– Думаю, это очень опытные агенты. Об этом свидетельствует то, с какой тщательностью они подготовили засаду. Боюсь даже предположить, что они ещё могут совершить.

Внезапно громко зазвонил телефон. Совещание ненадолго прервалось. Хозяин кабинета снял трубку, поздоровался и пару минут слушал, что ему говорят на другом конце провода. Несколько раз он сказал «да» и «нет», а потом положил трубку, даже не попрощавшись. Всё это время участники совещания молчали. Кто-то из них закурил, кто-то читал принесённые с собой документы.

– Извините, товарищи, у всех срочные дела, – проговорил Шабалин, опустив телефонную трубку. – Продолжайте, товарищ Ильин. А словесный портрет беженца, скрывавшегося в Васильевке, удалось составить?

– Точного словесного портрета этого человека нет. Жители деревни, если и видели его, то издалека. Известно, что это мужчина лет 30–35, среднего или выше среднего роста, волосы – темно-русые. Двое свидетелей говорят, что у него небольшие усы, но остальные свидетели в этом не уверены. Все сходятся на том, что он немного хромает. Правда, и тут расхождения. Одни свидетели утверждают, что он хромает на левую ногу, другие же свидетели уверены, что на правую. В общем, бесспорно одно – этот незнакомец хромает.

– Это очень важно! – воскликнул Никаноров. – Конечно, хромоногих сейчас немало можно встретить, всё-таки война, но это хоть какая-то зацепка. С этим можно работать.

– Не факт, – вступил в разговор Алексей. – У нас в госпитале было много раненных в ноги. Так вот, многие из них после излечения быстро переставали хромать. Даже и не скажешь, что было серьёзное ранение ноги. Помню, одному красноармейцу врачи хотели ногу ампутировать, но потом всё же спасли её. Так он через три недели уже без костылей ходил! Это зависит от ранения и от организма человека. Так что наш неизвестный хромоногий из Васильевки сейчас может вполне нормально ходить...

– Да, не исключено. Но мы не можем не учитывать это обстоятельство при розыске, товарищ лейтенант, – поучительно заметил Никаноров, недовольно смотря на своего подчинённого.

Орлов, который просто хотел внести уточнение в вопрос о

хромоте, промолчал, хотя поведение Никанорова в последнее время его раздражало. С тех пор как старший лейтенант возглавил оперативно-поисковую группу, и Орлов оказался в его подчинении.

«Когда мы ехали в полutorке из Москвы, он был гораздо дружелюбней», – в который раз подумал Алексей о Никанорове.

В Москве и по пути на Брянский фронт старший лейтенант действительно был более дружелюбным, что ли. В разговорах с Алексеем он шутил, да и вообще вёл себя чуть ли не как давний если не товарищ, то приятель. После того как его назначили старшим оперативно-поисковой группы, его словно подменили. В разговорах с Алексеем он продолжал шутить, но уже как-то фамильярно, покровительственно. Да и общался он с Орловым теперь не как равный с равным, а как с подчинённым.

Шабалин раскрыл блокнот:

– Итак, товарищи, перед нами и перед оперативно-поисковой группой старшего лейтенанта Никанорова стоят сейчас две главные задачи. Первая – обнаружение и ликвидация диверсантов из шпионско-диверсионной группы «Десна». Вторая – установление личности «Хромого», прятавшегося в Васильевке и имеющего, видимо, контакты с немцами. Не исключаю, что он является немецким агентом. Где он теперь? Что делает? Какие поставлены перед ним задачи? Вчера в тылах нашей 50-й армии зарегистрировали ра-

боту неизвестной радиостанции. Текст шифровки пока мы не знаем – слишком сложный шифр. Однако ранее, насколько нам известно, этот передатчик ещё никогда в эфир не выходил. Может быть, это рация «Хромого»? В общем, вам, товарищ Никаноров, предстоит много работы. Координируйте свои действия со следователем Ильиным. Помните, товарищи, в это трудное время каждый из нас должен отдавать всего себя без остатка для защиты Родины. Я надеюсь на вас. Идите, товарищи, работайте.

Майор Шабалин знал, что его сотрудникам не нужно лишний раз напоминать об их обязанностях. Но он также знал, что все они очень устали, что они, как и он, в последнее время мало спят. Так что подбодрить их не будет лишним.

25 августа 1941 года

Брянский фронт Штаб 50-й армии

С Ириной Гуровой лейтенант Орлов познакомился случайно. На следующий день после того, как группа Никанорова и истребительный батальон прибыли в штаб 50-й армии, он увидел возле штабных землянок десятка два девушек, вооружённых винтовками с оптическим прицелом.

Девушки небольшими группками сидели на земле, предварительно постелив на неё плащ-палатки. Они о чём-то неторопливо переговаривались, видимо, ожидая кого-то или чего-то.

Алексей стоял во дворе дома, где расположилась их группа, курил и с интересом наблюдал за девушками, которые находились метрах в пятидесяти от него. Это были снайперы, закончившие недавно краткосрочные курсы, и теперь их направили в одну из дивизий 50-й армии. Ему было только девятнадцать лет, поэтому не удивительно, что он не отрывал взгляда от девушек с винтовками.

За его спиной скрипнула дверь, слышались шаги.

– Кого ты там увидел? – спросил Никаноров.

– Да вот, смотри, снайперов привезли.

Старший лейтенант встал рядом с Алексеем и тоже заку-

рил. Лёгкий ветерок сразу же уносил папиросный дым. Возле дома росли яблони, поэтому сильно пахло яблоками.

Внимание Алексея привлекла девушка, с головы которой упала пилотка, когда она резко повернулась. Он увидел, что у неё светлые, почти белые пышные, коротко подстриженные волосы. «Как только такая копна волос помещается под пилоткой», – подумалось Алексею.

– Ого, смотри, среди них и блондинки есть! – весело сказал Александр. – Ну такие недолго на фронте останутся.

– Почему?

– Да так... Потому что кончается на «у», – туманно объяснил его товарищ, но потом добавил: – Потому что замуж выйдут. Не до войны им будет.

Орлову слова Никанорова показались циничными. Он считал, что война есть война, и слова «замуж», «жениться», «любовь» к ней не имеют никакого отношения. Ему хотелось возразить, но он не успел: девушка со светлыми волосами взяла у подруг несколько фляг и направилась в сторону дома, возле дверей которого стояли Александр и Алексей.

Чем ближе она к ним подходила, тем сильнее у Орлова почему-то билось сердце. Он стоял как заколдованный, не отрывая взгляд от стройной фигуры незнакомки. Вскоре она подошла к ним совсем близко, остановилась и сказала:

– Товарищи командиры, разрешите воды набрать. Пить очень хочется.

У неё был мягкий грудной голос, и было в нём столько

женственности, что Алексею сразу же захотелось исполнить все её просьбы, пожелания и даже приказы. Одета она в новенькую гимнастёрку, на ногах – кирзовые сапоги. Легкие порывы ветра шевелили её светлые пышные волосы, выбивавшиеся из-под пилотки, на пояском ремне справа висел финский нож. Винтовку она оставила подруге, а вместо неё «вооружилась» флягами.

Никанорова и Орлова поразила её красота. Они так, наверное, и стояли бы целый день, если б снайпер опять не заговорила:

– Товарищи командиры! Вода есть?

На этот раз её голос звучал твёрдо. Наверное, так она разговаривала дома с надоедливymi ухажёрами, а сейчас он привёл в чувство командиров, стоявших перед ней разинув рты.

Первым опомнился Никаноров.

– Товарищ лейтенант, не стойте истуканом. Наберите красноармейцу воды во фляги.

Алексей протянул руки, девушка отдала ему фляги. Он повернулся и пошёл к видневшемуся на другой половине двора в окружении яблoк колодцу.

– Сейчас всё будет готово, – заверил незнакомку старший лейтенант. – Как вас зовут?

– Рядовая Ирина Гурова, товарищ старший лейтенант.

– Зачем же так сразу официально. Меня зовут Александр. Фамилия – Никаноров. Вы долго будете в штабе?

Что она ответила, Алексей не слышал, так как уже отошёл от них на довольно большое расстояние. Он даже не сердился на Никанорова, который так бесцеремонно отправил его за водой. Да и разве он мог сердиться, увидев такую красивую девушку?

Прежде чем начать набирать воду во фляги, Алексей сам напился вдоволь и только потом приступил к выполнению порученного ему «важного задания». Вода в колодце была очень вкусной. Не такой, как обычно. Вкус у неё был немного сладковатый с каким-то непонятным приятным послевкусием. Долго Алексея мучила загадка колодезной воды, пока он не попросил раскрыть её секрет Авдотью Михайловну, бойкую ещё старушку, хозяйку дома, где расположилась их группа.

– Конечно, вкусная! – оживилась Авдотья Михайловна, услышав вопрос лейтенанта. – Дед мой, царствие ему небесное, Семён Михайлович, вырыл этот колодец. Ох и глубокий. Метров двадцать, а то и все тридцать. Потому вкусная водица у меня, что раньше тут источник был с целебной водой, как сказывали старики. Вот и ходят ко мне по воду люди со всей деревни, хотя у них тоже колодцы есть. Но вода в тех колодцах не такая, как в моём, хуже.

У Алексея были большие сомнения в отношении тридцатиметровой глубины колодца, но он не стал ими делиться с хлебосольной хозяйкой. Оставалось непреложным фактом: вода в колодце Авдотьи Михайловны действительно необыкновенно вкусная.

Ему почему-то очень нравились колодцы. Была в них ка-

кая-то загадка, не то что в водопроводном кране. Ну какая загадка может быть в водопроводном кране? Никакой. Разве что непонятно, почему из них постоянно капает вода. Вот это, конечно, загадка, но бытового плана.

Орлов думал, что колодцы лучше подходят человеку, чем те же водопроводные краны. Открыл краник, и вот тебе льётся в неограниченном количестве вода. С колодезной водой иначе. Сначала нужно потрудиться, поднять ведёрко, а уж потом напиться. Может, поэтому она вкусней?

Заполнив все фляги водой, Алексей пошёл назад. Никаноров и девушка, назвавшаяся Ириной Гуровой, по-прежнему мило разговаривали и уже даже улыбались друг другу. Это вдруг разозлило Алексея. «Ещё и улыбается! – раздражённо подумал он. – В следующий раз пусть сама набирает воду. Хоть вёдрами! Нашли водовоза».

«Водовоз» протянул девушке фляги. Она приняла их и вежливо поблагодарила. Однако настроение у Алексея ухудшилось, он ничего не сказал, повернулся и пошёл в дом, сильно захлопнув за собой дверь.

Девичий смех слышался и в доме. Вместе с ним доносился смех Никанорова. От этого настроение у Алексея окончательно испортилось. Он постоял, раздумывая, чем бы заняться, а потом достал из кобуры пистолет «ТТ» и стал его тщательно чистить, хотя он и так был в отличном состоянии.

Вскоре в дом вернулся Александр, улыбающийся, довольный собой. Он вошёл в комнату, где находился Алексей,

хмыкнул, присел на кровать.

– Вот не ожидал от тебя, Алёша, такой грубости, – с некоторой долей театральности сказал он. – С девушками нужно быть повежливей, ласковей. А ты как самый настоящий медведь – сунул фляги и ушёл. Кто ж так делает, а?

– Не хотел тебе мешать.

– Это ты брось. Разве ты можешь помешать? И чему?

Старший лейтенант насмешливо посмотрел на Алексея. Помолчав, добавил:

– А симпатичная эта Ирина Гурова. Ты заметил? Она, кстати, москвичка. Их направляют в 278-ю стрелковую дивизию, так что, вероятно, когда-нибудь увидимся с ней. А что, это очень даже может быть. Как говорил кто-то из знаменитых писателей, мир тесен.

Орлов подумал, что, возможно, действительно ещё когда-то увидит эту понравившуюся ему девушку. Ведь 278-я стрелковая дивизия, насколько он знал, обороняет тыловой рубеж Шибенец, Буда, посёлок Новый Свет, устье реки Негвинка, то есть не очень далеко.

– Между прочим, – продолжал Никаноров, – она обратила внимание на тебя. Говорит, мол, почему это товарищ лейтенант такой сердитый и неразговорчивый? Говорит, вы передайте ему, что в такой хороший солнечный день нужно быть веселей. И она, чёрт побери, права. Что ты ходишь унылым? Радоваться нужно, товарищ лейтенант, радоваться.

Алексей не понимал, шутит или нет его приятель и дей-

ствительно ли так говорила девушка-снайпер. Уже неплохо зная Никанорова, Алексей до сих пор не понимал его чувство юмора. Иногда ему казалось, что старший лейтенант сам не знает, шутит он или нет.

Никаноров продолжал что-то рассказывать, иногда громко посмеиваясь, но лейтенант не слушал его. Он повернул голову к окну, как будто бы мог сквозь деревья и кусты рассмотреть расположившийся где-то за ними отряд снайперов. Ему казалось, что он видит, как Гурова отдаёт своим подругам фляги с водой, как они жадно её пьют. Потом, сбросив это наваждение, Алексей собрал пистолет и спросил у старшего лейтенанта:

– С чего думаешь начать? Где будем искать диверсантов?

Но Никаноров не успел ему ответить, так как кто-то на улице вдруг громко и тревожно закричал:

– Воздух!

Тут только Алексей сообразил, что его так беспокоило все последние секунды: ровный, нарастающий с неумолимой неизбежностью монотонный гул моторов. Этот гул он часто слышал в первые дни войны на Западной Украине. Ничего хорошего этот звук никому не сулил.

– В щели! – Алексей подтолкнул к выходу старшего лейтенанта, а сам бросился в другую комнату за Авдотьей Михайловной.

Старушка вначале ничего не поняла, перепугалась, а когда вдруг где-то за околицей деревни начали стрелять зенит-

ки, она принялась собирать какие-то вещи, чтобы взять их с собой.

– Не время! Нужно в укрытие! – громко закричал лейтенант, схватил старушку за руку и поволок её прочь из дома, где оставаться было очень опасно.

Они выбежали на улицу как раз в тот момент, когда начали падать первые бомбы.

Двухмоторные бомбардировщики Ю-88 большой воздушной стаей набросились на деревню, где располагался штаб советской 50-й армии, стремясь уничтожить всё живое. Зенитная батарея зло отстреливалась, но она была неполного состава, а бомбардировщиков налетело слишком много...

Раздались первые разрывы. Орлов вместе со старушкой к тому моменту уже упали в ближайшую щель. Лейтенант лежал на правом боку и смотрел на пролетающие над ним самолёты. Летели они не очень высоко: он видел не только белые кресты на крыльях Ю-88, но и вываливавшиеся из люков бомбы. Этих маленьких черных точек было так много, что, казалось, они способны «засеять» всё вокруг. Бомбы, издавая страшный визг, быстро летели вниз.

Вот из чрева очередного бомбардировщика вывалились новые бомбы и устремились вниз к земле. «Кажется, на нас», – подумал Алексей и закрыл глаза.

Однако взрывы раздались в стороне от щели, где прятались Орлов и Авдотья Михайловна. Только одна из них взорвалась рядом: вздрогнула земля и их засыпало тонким слоем земли и песка.

Сколько продолжалась бомбёжка, Алексей потом точно сказать не мог. Судя по всему, минут двадцать, не больше. В ушах его долго стоял звон, даже после того, как фашистские

самолёты улетели, сбросив весь свой смертоносный груз.

Сообразив, что налёт закончился, Орлов с трудом вылез из щели, а потом вытащил из неё Авдотью Михайловну. Старушка хотя и была небольшого роста и сухонькой, но весила вполне прилично. Она крестилась и стряхивала со своей одежды землю.

У лейтенанта сильно стучало сердце. Он никак не мог поверить, что остался целым и невредимым в аду, который устроили им немецкие лётчики. Его вдруг сразу же и целиком охватило огромное чувство радости. Он тогда ещё не знал, что так бывает практически всегда, если остаёшься в живых после смертельной опасности. Немного позднее, увидев погибших в этой бомбардировке людей, он устыдится этого чувства, будет абсолютно несправедливо ругать себя за него, не понимая, что всё закономерно и что нет его вины в том, что он остался жить, а другие – нет.

Орлов оглянулся по сторонам. Домик Авдотьи Михайловны уцелел, но стёкол в нём не осталось. Зато два соседних дома немцы разрушили, и теперь они горели, выбрасывая в небо языки красного пламени и клубы чёрного дыма.

Он медленно, осторожно обходя воронки, пошёл к дороге. Он хотел найти Никанорова. Наверное, следовало бы закричать, спросить, где старший лейтенант, но он не пришёл полностью в себя после разрывов бомб и поэтому молча бродил между воронок.

Из щелей, траншей и воронок начали подниматься лю-

ди. Их было много. Однако ещё больше было тех, кто не смог подняться. Налёт германских самолётов нанёс большой ущерб штабу 50-й армии и частям, находившимся недалеко от него.

Алексей неожиданно для самого себя оказался перед землянками, возле которых совсем недавно отдыхали девушки-снайперы. То, что он увидел, потрясло его: на месте некоторых землянок образовались большие воронки. Там, куда попали бомбы, всё смешалось: и земля, и бревна, и мёртвые люди. Рядом как призраки ходили оставшиеся в живых снайперы. Они искали раненых, но чаще всего находили убитых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.